Дворников Эдуард Павлович

ПРОБЛЕМА СМЕРТИ В ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКАХ, ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (ОБЩИЙ ОБЗОР)

В статье на основе ретроспективного подхода обозначен круг важнейших письменных источников Востока, взглядов философов, литераторов России нового времени, позволяющих рассмотреть проблему смерти как феномен человеческой культуры через призму танатологии. Представленные материалы позволят читателю проследить эволюционную линию отношения к смерти в различные культурно-хронологические периоды истории человечества

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 54-56. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 903

В статье на основе ретроспективного подхода обозначен круг важнейших письменных источников Востока, взглядов философов, литераторов России нового времени, позволяющих рассмотреть проблему смерти как феномен человеческой культуры через призму танатологии. Представленные материалы позволят читателю проследить эволюционную линию отношения к смерти в различные культурно-хронологические периоды истории человечества

Ключевые слова и фразы: культура; смерть; танатология; погребальный обряд; реинкарнация.

Эдуард Павлович Дворников, к.и.н., доцент
Кафедра археологии, этнологии и источниковедения
Горно-Алтайский государственный университет
dvornikovep@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СМЕРТИ В ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКАХ, ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ (ОБЩИЙ ОБЗОР)©

Комплекс мировоззренческих ориентиров, связанных с погребальной практикой, занимает важное место внутри каждой культуры. Это явление имеет многогранную семантику и отражает, как ни парадоксально, все этапы жизни на «этом» и «том» свете. В основе реализации погребально-поминальной церемонии лежит факт смерти сородича.

Ещё на заре истории человек по-особому относился к духовной стороне существования. Начиная со священных книг древнего Востока (Египта, Индии Тибета) и далее трудов Платона и Аристотеля тема смерти рассматривалась как итог человеческого существования в этом мире.

В Древнем Китае философ Ян Чжу (440-360 гг. до н.э.) заострял внимание на том, что смерть являет собой символ социальной справедливости, ибо уравнивает всех людей: «При жизни существует различие - это различие между умными и глупыми, знатными и низкими. В смерти существует тождество - это тождество смрада и разложения, исчезновения и уничтожения... Умирают и десятилетний, и столетний; умирают и добродетельный, и мудрый; умирают и злой, и глупый» [7].

Выдающийся таджико-персидский поэт Омар Хайям, живший 1000 лет назад, написал: «Заглянуть за опущенный занавес тьмы, не способны, бессильны наши умы. В тот момент когда с глаз упадёт завеса, в прах бесплотный, в ничто превращаемся мы». Автор тем самым указывает нам на бесплодность попыток познать семантическую глубину смерти.

С незапамятных времён на Востоке известны специальные «пособия» по смерти: «Тибетская «книга мертвых», «Египетская книга мертвых». Чтение Тибетской книги мертвых производилось медленно и отчетливо, «дабы было услышано и осознанно каждое слово». Спешка при чтении текста не благоприятствует результату, т.к. считалось, что усвоение текста возможно уже после фактической смерти, т.е. прекращении деятельности всех жизненно важных функций. Наставления, читаемые ламой помогали умирающему понять этапы переживаний, а также на каждом этапе новых видений напоминали о постоянной возможности «освобождения».

До прихода тибетских учений в Европу представления европейцев об источниках древней восточной мысли были самые отдаленные. Но впоследствии стало известно, что, несмотря на варварство и дикость архаичных времен, кладезь восточных космогоний и ритуалов отличается удивительной структурированностью, последовательностью и глубоким пониманием мира. Смерти и описанию последующих посмертных состояний здесь уделяется особое внимание.

Й. Хейзинга в книге «Осень средневековья» выделяет три господствующие темы, связанные с осмыслением смерти в европейском позднем Средневековье. «Во-первых, где все те, кто ранее наполнял мир этим великолепием? Далее, мотив повергающей в трепет картины тления всего того, что было некогда людской красотою. И, наконец, мотив Пляски смерти, вовлекающей в свой хоровод людей всех возрастов и занятий» [11].

В XIX веке французский философ Танглю определял смерть как общее свойство всех живых. Один из основоположников танатологии (учение о смерти) М. Ф. К. Биша говорил, что жизнь - это совокупность явлений, противящихся смерти [2].

Классик диалектического материализма Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» написал: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей путем питания и выделения», «Жить значит умирать».

Философ Артур Шопенгауэр создал теорию палингенезии, представляющую собой философскую альтернативу религиозной реинкарнации. Он отмечал, что воля человека никогда не умирает, но проявляет себя опять в новых индивидах. Вместе с тем Шопенгауэр отвергает основные положения реинкарнации о переселении конкретной души. Его теория была изложена в сочинении «Мир как воля и представление», в частности в главе «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа» [12].

Французский философ Ф. Арьес описал развитие представлений о смерти на протяжении тысячелетия, а так же обрисовал модели смерти в своей книге «Человек перед лицом смерти». Основой гипотезы стали вариации четырех психологических элементов: самосознание; защита общества от дикой природы; вера в продолжение существования после смерти; вера в существование зла. В результате, были выделены следующие модели смерти: «прирученная смерть»; «смерть своя»; «смерть далекая и близкая», «смерть твоя», «смерть перевернутая».

© Дворников Э. П., 2011

В первой модели представлены все четыре параметра: смерть не является актом только индивидуальным (и жизнь тоже), смерть заставляет общество сплотиться в борьбе с дикими силами природы, смысл «приручeнности» смерти в том, что конец жизни не совпадает с физической смертью человека; смерть ощущается как интимно близкая, привычная, ритуализованная, она как бы говорит о неотделимости зла от сущности человека - миф о грехопадении, отвечал всеобщему ощущению присутствия в мире зла.

С XI века формируется модель - «смерть своя» и является результатом смещения смысла человеческой судьбы в сторону индивидуального начала. В 16 веке складывается модель - «смерть перевёрнутая», которая выражается в страхе смерти как боязни быть похороненным заживо, боязни, которая подразумевает, что есть некое смешанное и обратимое состояние, сочетающее жизнь и смерть. В 19 веке, определяющим типом модели смерти становится чувство собственной специфической индивидуальности - «смерть своя». В этом же столетии складывается модель - «смерть твоя». Современная модель смерти определяется сильно выраженным чувством ее приватности, интимности. Общество будто стыдится смерти, больше стыдится, чем страшится, умирающий человек воспринимается как терпящий поражение [1].

Румынский исследователь М. Элиаде считал, что человек на заре своей истории пытался победить смерть, превращая её в обряд перехода. По его мнению, смерть в архаическом обществе была механизмом для достижения духовности, высшим посвящением. Смерть входила в жизненный цикл циркуляции сил, энергии, она узаконивала в традиционном обществе факт появления нового человека и через неё посредством погребальной обрядности реализовывалась идея целостности сообщества как совокупность живущих и предков [10, с. 15-16].

Проблема продления жизни и бессмертия наиболее остро выступает на рубеже третьего тысячелетия. В поиске решения этого глобального общечеловеческого вопроса задействован научный потенциал многих стран мира, ведутся разработки в области медицины, физиологии, генетики, а также модернизируются программы технической, экологической, социальной безопасности человечества.

Опыт описания феномена смерти получает статус специфической проблемы и в литературе с XVIII века. В сочинении А. Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» и книге М. М. Щербатова «Разговор о смертном часе» [13]. Смерть осознается лишенной собственного онтологического содержания, это квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий. В XVIII в. был задан двойной аспект смерти: есть смерть изображающая (реальность смертного и смертью структурированного мира) и смерть изображённая (в образе: символе, эмблеме).

Любопытство к смерти мотивировалось и масонской концепцией необратимого во времени поступка. Любовь к ближнему оказалась сублиматом страха смерти, а созерцание тленных футляров существования принудило к идеям нравственного самосовершенствования. Первая смерть изображенной смерти состоялась на Руси в форме юродства: юрод презрел свое тело и тем «выпал» из сплошь детерминированного смертью состава смертного мира. В XIX в. смерть рассматривалась как угроза мирового Ничто; активно обсуждалась «смерть вторая» и Судьба как школа смерти.

В художественной литературе проблему судьбы и смерти иллюстрировал А. С. Пушкин: жизнь и смерть образуют в его порядке бытия единство. В 1828 году Пушкин пишет: «Дар напрасный, дар случайный...». Теперь жизнь - это не только «тяжелое бремя», а напрасный дар «враждебной власти». Для поэта жизнь - бесполезная вещь, его «сердце пусто», «празден ум». Замечательно, что жизнь дарована ему «враждебным» духом, взволновавшим ум сомненьем, душу наполнив страстью [9].

Романтический Танатос у Ф. Тютчева осложнен темами смертельной любви поэта-небожителя и эротического суицида. В Гоголе русская культура XIX в. почти исчерпала возможности позитивного осмысления смерти в пределах эмпирии. У Достоевского смерть предстает трансцендентной загадкой и насмешкой над человеком. В его картине мира линии Эроса и Танатоса прочерчены во взаимно сопряженных объемах: это мировые оси бытия, острия которых смыкаются в метаистории - в соборе лиц ангельского жития [6].

В глазах человека XX в., влюбленного в смерть, космос, изображающий смерть неотвратимо преобразовался в трагедию вселенского самоубийства. Новая эпоха пытается приручить смерть, эстетизировать ее и сделать маленькой. Объекты философско-эстетической танатологии обретают пластику скульптуры, возникает скульптурика смерти: успокоенная в «своём» пространстве, смерть позволяет обойти ее кругом, разглядеть с разных дистанций. Работа «Течения времени» А. Платонова утверждает мировое единство «вещества существования» и способность предметов к ино-бытийным воплощениям: в клетчатке воплощена иновещная тяжкая весомость металла. Смерть пропадает в онтологической дружбе вещей [14].

В «Софиологии смерти» С. Н. Булгакова одоление смерти как наследия падшего бытия уясняется в диалектике взаимоозначающей тварно-нетварной Софии. Человек, и в нем все творение, есть нетварно-тварная София, сотворенное божество, тварный бог по благодати. Ему дана Богом жизнь, однако, Им не дана смерть, - «смерти Бог не сотворил», но лишь попустил. Смерть вошла в мир путем греха, который разрушил устойчивость человеческого существования и как бы отделил в нем нетварное и тварное. Такова и природа смерти. Смерть не безусловна и не всесильна. Она лишь надрывает, надламывает древо жизни, но она не непреодолима, ибо уже побеждена воскресением Христовым. Человечество воскресает во Христе и со Христом, однако для этого и прежде этого оно со Христом и во Христе умирает. Смерть человеческая есть и смерть Христова, и к полноте этой смерти надлежит нам приобщиться, как и Он приобщился к нашей смерти [3].

Таким образом, на протяжении веков в науке сформировалась своеобразная мировоззренческая линия - оправдания и поиска смысла собственной кончины, вектор, сориентированный на себя, для собственного самоуспокоения, попытка придать рациональное объяснение той области неисследованного, где сама возможность «исследования» на сегодняшний день не имеет перспективы дойти до самой глубинной сути.

Во второй половине XX века к феномену смерти обратились психологи, врачи, которые изучали факты опыта смерти и личностных изменений в психологии людей, перенесших такие состояния «Жизнь после жизни» [8]; «Человек перед лицом смерти», «Надличностное видение: целительные возможности необычных состояний сознания» [4; 5]. Последователи танатологии сопоставили эти переживания с историческим опытом человечества, сохранившемся в шаманизме, ритуалах перехода, мистериях смерти и возрождения, духовном подвижничестве, древних текстах.

Подводя итог работы, отметим, что тема смерти является важнейшей и в наши дни, поскольку её тайна, закрытость, запретность во все времена притягивает своей неотвратимостью, её присутствие обостряет восприятие жизни.

Список литературы

1. **Арьес Ф.** Человек перед лицом смерти. М., 1992. 197 с.
2. **Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А**. Энциклопедический словарь [Электронное издание]. 680 мб.
3. **Булгаков С. Н.** Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.
4. **Гроф С.** Надличностное видение: целительные возможности необычных состояний сознания. М., 2004. 237 с.
5. **Гроф С.** Человек перед лицом смерти. М, 2002. 239 с.
6. **Исупов К. Г.** Трансцендельная эстетика Достоевского // Вопросы философии. 2010. № 10.
7. **Лаврин А. П.** Хроники Харона. Энциклопедия смерти. Новосибирск, 2009. 544 с.
8. **Моуди Р.** Жизнь после жизни. М.: ИД «София», 2004. 240 с.
9. **Пушкин А. С.** Полное энциклопедическое собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: http://www.free-admin.net/library/49463-a-s-pushkin-polnoe (дата обращения: 06.02.2011).
10. **Семёнова В. И.** Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья: автореф. … дис. докт. культ. наук. Томск, 2006. 47 с.
11. **Хейзинг Й.** Осень средневековья. М., 1995. 360 с.
12. **Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление: в 5 т. М., 1999. Т. 2. 832 с.
13. **Щербатов М. М.** Разговор о смертном часе: в 2 т. СПб., 1896. Т. 1.
14. **Эпштейн М.** Язык бытия у Андрея Платонова // Вопросы литературы. 2006. № 2.

DEATH PROBLEM IN ANCIENT SOURCES, PHILOSOPHICAL THOUGHT HISTORY AND RUSSIAN LITERATURE OF NEW TIME (GENERAL REVIEW)

Eduard Pavlovich Dvornikov, Ph. D. in History, Associate Professor

Department of Archeology, Ethnology and Source Study
Gorno-Altaisk State University
dvornikovep@yandex.ru

In the article the range of the most important written sources of the East and also the views of philosophers and new time Russia literary men which allow considering death problem as human culture phenomenon through thanatology prism are designated on the basis of retrospective approach. The presented materials allow the reader tracing the evolutionary line of attitude to death in different cultural-chronological periods of humanity history.

Key words and phrases: culture; death; thanatology; sepulchral rite; reincarnation.

УДК 94(470.5)«1922/1939»

В статье рассматриваются практики взаимодействия института политической цензуры с органами государственной безопасности на Урале в 1920-1930 гг. Автор утверждает, что местные органы Главлита обладали достаточной самостоятельностью при осуществлении цензурного контроля. Деятельность цензоров не являлась объектом контроля со стороны органов ОГПУ-НКВД. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова и фразы: Урал; Главлит; Уралобллит; цензура; ОГПУ-НКВД; политконтролеры.

Сергей Александрович Дианов, к.и.н., доцент
Кафедра новой и новейшей истории России
Пермский государственный педагогический университет
dianov-sa@rambler.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ И ОГПУ-НКВД НА УРАЛЕ В 1920-1930 ГГ.©

Несмотря на существование в отечественной исторической науке значительного количества фундаментальных работ, в которых рассматриваются различные аспекты истории советской цензуры, проблема

© Дианов С. А., 2011